

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АВГУСТА ШЛЕЙХЕРА

(К 150-летию со дня рождения)

19 февраля 1971 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Августа Шлейхера, выдающегося немецкого языковеда, одного из создателей исторического метода в языкознании. Будучи на целое поколение моложе первооткрывателя родства индоевропейских языков — Фр. Боппа, Шлейхер работал одновременно с ним и пережил автора первой сравнительной грамматики всего на один год. За свою короткую жизнь (Шлейхер умер в 1868 г., сорока семи лет, находясь в расцвете творческих сил) он обогатил науку теоретическими исследованиями, специальными трудами в области славянских, балтийских и немецкого языков, а также создал «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков», в котором он обобщил и систематизировал результаты исследований, достигнутые на протяжении первых 40 лет развития индоевропейского языкознания.

Как справедливо заметил о своем учителе И. Шмидт, «наряду с Боппом — основателем, никто другой не оставил в языкознании столь глубокий отпечаток своей личности, как это сделал Шлейхер. Его огромная творческая сила, действовавшая на протяжении двух десятилетий с удивительной плодотворностью, исходила от „натуры, сделанной из кожи и железа“, как он это сам говорил, и от непреклонной воли»¹.

Более, чем кто-либо другой из лингвистов середины прошлого столетия, Шлейхер содействовал созданию исторического метода в сравнительном языкознании. Именно Шлейхер впервые выдвинул требование учета звуковых закономерностей при языковом сравнении и тем самым содействовал выработке строгого метода сравнительно-исторического исследования. Именно он впервые попытался реконструировать индоевропейский праязык как систему форм, что было важно для разработки методики реконструкции системы древнего языка, признаваемого за исходное состояние для группы родственных языков. Шлейхер впервые установил строгое различие между генетическим родством языков и типологическим сходством. С его именем связано построение схемы «родословного древа языков», наглядно иллюстрирующей понятие исторического членения языковых единств. Важно отметить, что сам Шлейхер теорию родословного древа дополнил положением о географическом варьировании языков и теорией языковых контактов.

Наряду с разработкой теоретических принципов исторического языкознания и усилиями, направленными на реконструкцию древней индоевропейской морфологии, Шлейхер стремился изучать живую народную речь и был одним из пионеров полевой лингвистической работы. Об этом свидетельствуют его труды по литовскому языку, материалы

¹ J. Schmidt, [Schleicher, «Portraits of linguists» ed. by Th. A. Sebeok, I, Bloomington — London, 1966, стр. 393—394, (впервые опубликовано в «Allgemeine deutsche Biographie», т. 31, 1890).

для которых он собрал во время шестимесячного пребывания в литовских селах.

Безвременная кончина не позволила Шлейхеру выполнить грандиозные планы сравнительно-исторического исследования славянских и балтийских языков. По заданию Российской Академии Наук, членом-корреспондентом которой он был с 1858 г., он предполагал создать серию специальных работ в этой области: а) сравнительную грамматику славянских языков, с реконструкцией праславянского, б) сравнительную грамматику литовского, древнепрусского и латышского языков, с реконструкцией прабалтийского, в) грамматику славянско-балтийского языкового единства как исходного состояния. Этими тремя грамматиками Шлейхер надеялся создать основу для реконструкции предполагавшегося им балто-славяно-германского языкового единства².

Заслуги Шлейхера как автора основополагающих исследований по сравнительной грамматике индоевропейских языков, как одного из создателей исторического метода в сравнительном языкознании, всегда признавались и признаются. Но при этом в общей оценке научной деятельности Шлейхера отрицательные характеристики его теоретических взглядов стали традиционными. В языкознании XIX в. вряд ли можно найти другого лингвиста, с которым бы так много и ожесточенно спорили, как с Шлейхером. Теоретические основы его концепции, в особенности декларированный им «естественно-научный» принцип подхода к фактам языка, а также его теория двух периодов языкового развития, подвергались критике еще при жизни автора. Позднее, на протяжении ста лет критика возвращалась к ним снова и снова. Во второй половине прошлого века многие лингвисты, вырабатывая собственные теоретические концепции, считали необходимым определить свое критическое отношение к взглядам Шлейхера. С разных сторон Шлейхера критиковали Штейнталь и его школа, младограмматики, Бодуэн де Куртене. И уже в XX в., когда научное творчество Шлейхера стало фактом относительно отдаленного прошлого, критический анализ его теоретических взглядов продолжает занимать большое место в обзорах развития лингвистических учений.

Критика нередко имеет очень резкий, иногда почти уничтожающий характер, что несомненно оказывается в известном противоречии с признанием заслуг Шлейхера в качестве основателя исторического метода в сравнительном языкознании. Выходом из этого противоречия не могут быть признаны попытки разделить Шлейхера-теоретика и Шлейхера-компаративиста в собственном смысле слова и свести положительное значение его научной деятельности лишь к систематизации достигнутых результатов в области сравнительной грамматики индоевропейских языков. Такая точка зрения была в свое время отчетливо сформулирована Б. Дельбрюком, заявившим: «Шлейхер не был человеком гениальных открытий, каким был Бопп. Ему был присущ прежде всего дух упорядочивания,

² Сам Шлейхер писал об этом в 1862 г.: «Моя конечная цель — это создание оснащенной большим количеством примеров сравнительной грамматики славянского, латышского и немецкого (= германского. — А. Д.) языка-основы (Grundsprache). Предварительно должны быть препарированы по данным существующих языков эти три. Неизвестно, успею ли я выполнить эту большую задачу в отмеренный мне срок жизни и духовной свежести» (J. Dietze, Briefe August Schleichers an Reinhold Köhler, ZfS, V, 2, 1960, стр. 275). Предварительная постановка указанной проблемы содержалась в его исследованиях: «Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индоевропейских языков» («Приложение к VIII-му тому» Зап. имп. Акад. наук, 2, СПб., 1865; «Темы имен числительных (количественных и порядочных) в литовском и немецком языках» («Приложение к X-му тому» Зап. имп. Акад. наук, 2, СПб., 1866).

систематизации»³. Аналогичная оценка была в недавние годы высказана Б. Трихой: «Значение Шлейхера для языкознания состоит не в его лингвистической метафизике, но в позитивных лингвистических исследованиях, которые он, однако, стремился философски обосновать. Нельзя утверждать, что он открыл диахронические звуковые законы в духе строгого метода младограмматиков, но тем не менее он со всей полнотой и точностью легко овладевал лингвистическими фактами. Он был поэтому идеальным собирателем лингвистических материалов и умел обрабатывать их ясно и наглядно»⁴.

Столь успокоительный путь примирения противоречий в оценке новаторской в принципе научной деятельности Шлейхера выглядит еще менее справедливым по отношению к памяти большого ученого, чем резко отрицательные характеристики его теоретических взглядов, возникавшие в процессе полемики с ярким и сильным мыслителем, каким был Шлейхер в жизни и каким он навсегда остался в своих трудах. Научное творчество Шлейхера было очень цельным, и то, что им было внесено в разработку сравнительно-исторического метода в языкознании, не может быть искусственно отделено от его общетеоретической концепции, которую он последовательно развивал на протяжении 20 лет своей жизни в науке. Интерес к Шлейхеру как к теоретику, не ослабевавший в течение 100 лет со времени его смерти, показывает, что именно эта сторона его научной деятельности определяет значение его научного наследия и составляет одно целое с тем позитивным вкладом в развитие сравнительного языкознания, который всегда признавался.

В последние годы обнаруживается повышенный интерес к научному наследию Шлейхера, а также к его личности. Появились работы, в которых теоретические взгляды Шлейхера вновь рассматриваются с позиций современных лингвистических направлений⁵. Исследуется содержание специальных работ Шлейхера в области славистики⁶. Публикуются биографические материалы, проливающие новый свет на обстоятельства жизни Шлейхера в условиях полицейского режима Австрийской империи (пражский период деятельности Шлейхера) и дающие известное представление о его общественном свободомыслии⁷.

Кажется, настал момент еще раз вернуться к рассмотрению некоторых сторон теоретической концепции Шлейхера, обычно подвергавшихся критике⁸. Расширение проблематики марксистского языкознания и свободный от традиционных ограничений лингвистического позитивизма взгляд на сущность и исторический характер языковых явлений дают возможность увидеть там, где младограмматики усматривали лишь наивные глоттогонические гипотезы, наличие реально существующих, хотя и трудно доступных для изучения проблем и оригинальные попытки их постановки.

³ В. D e l b r ü c k, Einleitung in das Sprachstudium, 3. Aufl., Leipzig, 1893, стр. 56.

⁴ В. Т р и х а, Zur Erinnerung an August Schleicher, ZPhon, 6, 1/2, 1952, стр. 141.

⁵ См. особенно: Вр. В е н е š, Wilhelm von Humboldt, Jacob Grimm, August Schleicher, Winterthur, 1958. Интересный полемический разбор историко-лингвистической концепции Шлейхера содержится в статье: V. P i s a n i, August Schleicher und einige Richtungen der heutigen Sprachwissenschaft, «Lingua», IV, 4, 1955.

⁶ J. D i e t z e, August Schleicher als Slavist, Berlin, 1966.

⁷ См. об этом: R. F i s c h e r, Erlebnisse August Schleichers in der Bach'schen Ära, ZfS, I, 1, 1956; «August Schleicher zur Erinnerung», Berlin, 1962; J. D i e t z e, Leben und Leistung August Schleichers im Spiegel seiner Briefe an Miklosich, ZfS, X, 4, 1965.

⁸ В этой связи считаю нужным пересмотреть в некоторых моментах ту оценку лингвистического учения А. Шлейхера, которая была дана в моей книге: «Вопросы родства индоевропейских языков», М.—Л., 1955, стр. 45 и сл.

Особенно категорические возражения методологического характера вызывает, как известно, положение Шлейхера о языке как «естественном организме» («Naturorganismus») и соответственно отнесение им языкознания к разряду естественных наук. В связи с этим принято говорить о «биологической концепции языка», о «метафизическом натурализме», о «вульгарном материализме» Шлейхера и в целом квалифицировать его подход к языку как ряд наивных заблуждений. При этом считается, что Шлейхер выдвинул эту концепцию непосредственно под влиянием теории Дарвина, с которой он ознакомился в начале 1860-х гг.

Необходимо прежде всего заметить, что взгляды Шлейхера на предмет и методы языкознания в основном сложились задолго до этого и получили развернутое освещение уже в его первом теоретическом труде «Сравнительно-лингвистические исследования»⁹. Во второй части этого труда, напечатанной в 1850 г., уже было проведено сравнение закономерностей развития языка с закономерностями развития природных явлений, в связи с чем автор считал возможным применение в языкознании методов естественных наук¹⁰. Последующее увлечение учением Дарвина не внесло принципиальных изменений в уже выработанную Шлейхером ранее теорию языка и в применявшиеся им методы исследования. Ознакомление с дарвинизмом вооружило Шлейхера лишь дополнительными аналогиями из области естествознания, к которым он ранее слишком охотно прибегал, явно в ущерб ясности изложения основного содержания своей лингвистической концепции¹¹. Злоупотребление аналогиями собственно и придавало «естественно-научный» облик учению Шлейхера, создавая этим соответствующие иллюзии не только у читателя, но, возможно, в какой-то мере и у самого автора. Между тем может быть показано, что лингвистическая теория Шлейхера в конечном счете основывается не на биологической трактовке сущности языка, но на хорошо известном в языкознании первой половины XIX в. положении о неразрывной связи языка с мышлением. Положение это декларировалось многими лингвистами, в том числе и Шлейхером, в трудах которого не содержится, однако, развернутой трактовки данной проблемы. Приводимые ниже формулировки, выражающие в очень общей форме научное credo Шлейхера, важны для нас в основном в плане противопоставления распространенному тезису о его «вульгарном материализме».

Уже в ранних работах Шлейхер определял язык как «выражение

⁹ A. Schleich er, Sprachvergleichende Untersuchungen. I — Zur vergleichenden Sprachgeschichte, Bonn, 1848; II — Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht, Bonn, 1850.

¹⁰ «Следовательно метод языкознания полностью отличен от метода всех исторических наук и в сущности примыкает к методу наук естественных. Поэтому и результаты лингвистических исследований, в общем отличаются большей надежностью, чем результаты, получаемые историческими науками, так как путь лингвистического исследования не отягощен в такой степени, как там, субъективной произвольностью. Подобно естественным наукам, языкознание имеет задачей исследовать область, в которой познается действие неотвратимых естественных законов, не подлежащих влиянию человеческой воли и произвола» («Die Sprachen Europas...», стр. 2 и сл.)

¹¹ Ошибочное мнение о том, что в развитии теории Шлейхера влияние философии Гегеля оказалось вытесненным влиянием дарвиновского учения, было высказано впервые Б. Дельбрюком (B. Delbrück, указ. соч., стр. 41). Против этого возразил В. Штрейтберг, подчеркнувший, «что теоретическое понимание сущности языка, которое Шлейхер себе составил еще в начале своего научного пути и которому он оставался верен до конца жизни, возникло на почве философии Гегеля, и что именно то, что кажется отходом от нее, есть не что иное, как последовательное проведение исходного положения» (W. Streitberg, Schleichers Auffassung von der Stellung der Sprachwissenschaft, IF, VII, 3—4, 1896, стр. 362). О влиянии идей Гегеля и Гумбольдта на сложение теоретической концепции Шлейхера см.: В г. В е п е ъ, указ. соч., стр. 92 и сл.

мышления с помощью артикулированных звуков»¹². Эта точка зрения сохранилась неизменной и в более поздних сочинениях. Так, в книге «Немецкий язык», впервые опубликованной в 1859 г., он писал: «Язык — это звуковое выражение мысли, мыслительный процесс, выявляющийся с помощью звука. Следовательно, язык не служит выражением чувств, ощущений, желаний; язык не является непосредственным выражением чувствования и хотения, но только выражением мышления»¹³.

Поэтому можно считать основанным на внешней аналогии известное определение языка, брошенное Шлейхером явно в порядке вызова и потому достаточно неосторожно, в его открытом письме Э. Геккелю, единомышленником в другом которого он был: «Языки — это естественные организмы, которые возникли без участия человеческой воли, выросли и развились по определенным законам и в свою очередь стареют и отмирают»¹⁴.

Ясно, что такая формулировка должна была вызвать упрек в том, что Шлейхер наивно рассматривает языки как реальные естественные организмы. В очередном теоретическом выступлении Шлейхер нашел нужным еще раз подчеркнуть свое понимание материализма в подходе к языковым явлениям. При этом он дал новое определение материальных основ речевой деятельности, в сущности снимающее возможность обвинения его в наивном и вульгарном отождествлении языков с природными организмами и в то же время убедительно разъясняющее его положение о наличии у языка «материально-телесных условий» («materiell-körperliche Bedingungen der Sprache»): «Язык — это воспринимаемый ухом симптом деятельности целого комплекса материальных отношений в построении мозга и речевых органов с их нервами, костями, мускулами и др.» («Die Sprache ist das durch das Ohr wahrnehmbare Symptom der Tätigkeit eines Complexes materieller Verhältnisse in der Bildung des Gehirns und der Sprachorgane mit ihren Nerven, Knochen, Muskeln u.s.f.»)¹⁵. Это определение, сформулированное Шлейхером в 1865 г., звучит как бы предвестием современной трактовки явлений языка в связи с учением о высшей нервной деятельности. Важно подчеркнуть, что такое определение появилось в период господства субъективно-идеалистического психологизма в объяснении процессов речевой деятельности, борясь с которым, Шлейхер сознательно заявил о материализме своего подхода к языку. Для Шлейхера такой подход был неотъемлемой частью его общей теоретической концепции, основанной на положении о том, что язык — это звуковое выражение мыслительного процесса. Он стремился обосновать с позиций естественно-научного материализма это положение, освободив его от дуализма. Шлейхер был убежден в том, что «язык, т. е. выражение мыслей через слова, это единственный и исключительный признак человека»¹⁶. «Если мы вправе усматривать в языке нечто действительно и материально существующее, то особенно глубокое значение получает мысль о том, что язык и только язык (по крайней мере, согласно известным наблюдениям Хаксли [Huxley] есть то, благодаря чему человек отличается от близко стоящих к нему антропоидов (горилла, шимпанзе, орангутанг, гиббон)»¹⁷. И далее: «Если только язык сделал человека, то

¹² «Zur vergleichenden Sprachengeschichte», стр. 6; «Die Sprachen Europas...», стр. 5.

¹³ «Die deutsche Sprache», 3 Aufl., Stuttgart, 1874, стр. 4.

¹⁴ «Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft», Weimar, 1863, стр. 6.

¹⁵ «Über die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen», Weimar, 1865, стр. 8.

¹⁶ Там же, стр. 14.

¹⁷ Там же.

тогда наши праотцы первоначально были не тем, что мы сейчас называем людьми, ибо таковыми они стали лишь с образованием языка. Образование языка для нас равнозначно развитию мозга и органов речи»¹⁸.

Приведенные высказывания позволяют пересмотреть ставший традиционным упрек Шлейхеру в наивном отождествлении языка с естественным органом. Этот упрек основывался на слишком буквальном понимании его броских метафорических выражений, а также на отсутствии должного внимания и непредвзятости при оценке его теоретического наследия как целостной системы взглядов. Шлейхер как мыслитель стоял на уровне прогрессивных идей своего времени. Он несомненно принадлежал к тем гегельянцам, которые, как Л. Фейербах, пришли к материализму. Слова, сказанные Ф. Энгельсом о Л. Фейербахе, могут быть применены также к Шлейхеру, который строил свое понимание материальных основ речевой деятельности как непосредственной реализации мыслительного процесса, осуществляемого в мозгу, на положениях естественнонаучного материализма и который отрицал наличие особого духовного начала. Шлейхер мыслил столь же материалистически, как и Фейербах, который дошел до сознания того, «что тот вещественный, чувственно воспринимаемый нами мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир и что наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктом вещественного, телесного органа — мозга. Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи. Это, разумеется, чистый материализм»¹⁹.

В своих выступлениях против религиозного мировоззрения Шлейхер шел дальше Фейербаха. Будучи единомышленником Э. Геккеля и утверждая, что «направление современного мышления несомненно идет в сторону монизма»²⁰, он упрекал Дарвина в уступках религии²¹. Сам он стремился создать последовательно материалистическую теорию языка, освобожденную от влияния философского идеализма и основанную на объективных методах изучения фактов, получаемых путем наблюдения. Главным недостатком теоретической концепции Шлейхера было отсутствие понимания общественной сущности языка и историко-материалистических закономерностей его развития. Нет, однако, оснований считать вульгарным материалистом ученого, который — первый и единственный из лингвистов XIX в. — пытался поставить вопрос о материальных основах речевой деятельности и при этом не отрывал язык от мышления.

После того как разъяснено и в известном смысле реабилитировано понимание Шлейхером сущности языка в ее связи с мыслительной деятельностью человека, можно перейти к вопросу о методе лингвистического исследования, который им приравнивался к методам естественных наук. Теоретическая позиция Шлейхера в этом вопросе непосредственно вытекала из его стремления сделать языковедение подлинно научной дисциплиной. Вдохновляясь успехами естественных наук, достигнутыми к середине XIX в., Шлейхер настаивал на необходимости выработать

¹⁸ Там же, стр. 21.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 285—286.

²⁰ «Die Darwinsche Theorie...», стр. 8.

²¹ «Произведение Дарвина кажется мне соответствующим современному направлению духовных интересов, за исключением того места, где автор делает весьма непоследовательную уступку хорошо известной ограниченности своих соотечественников в делах религии, утверждая, что с его воззрениями соединимо понятие сотворения мира. Это место мы, естественно, оставим в дальнейшем вне рассмотрения; оно содержит противоречие Дарвина с самим собой, так как с его положениями совместимо лишь представление о постепенном становлении природных организмов, но никак не идея о сотворении из Ничего» («Die Darwinsche Theorie...», стр. 6).

объективные и точные методы изучения языковых фактов и призывал лингвистов учиться таким методам у естественных испытателей: «У естественных испытателей можно научиться осознанию того, что для науки имеет значение только факт, установленный при помощи надежного, строго объективного наблюдения, и основанный на таком факте правильный вывод. Понять это было бы полезно многим из моих коллег. Субъективные толкования, безудержное этимологизирование, шаткие предположения, берущиеся с потолка, короче говоря, все, что лишает языковедческие исследования научной строгости, снижает их значение в глазах разумных людей и даже делает их смехотворными, все это в особенности отталкивающе действует на того, кто усвоил вышеуказанную точку зрения трезвого наблюдения. Только точное наблюдение организмов и законов их бытия, только полная самоотдача объекту научного исследования должны быть основой также нашей дисциплины; всякая же болтовня, хотя бы и остроумная, но лишенная этого твердого основания, не имеет никакой научной ценности»²².

В контексте сравнения с предметом и методами естественных наук Шлейхер ставил вопрос об изучении закономерностей развития языковых организмов. В этой связи необходимо уяснить, какое содержание Шлейхер вкладывал в понятие «организм» и в каком смысле он считал языки «организмами», подлежащими исследованию с помощью объективного научного метода, соответствующего методам естественных наук.

В соответствии с философским словоупотреблением первой половины XIX в. Шлейхер понимал «организм» как естественно возникшую, развивающуюся и обладающую внутренней организацией структуру. С этой точки зрения сущность каждого языка как особого «организма» определяется им в зависимости от того, каким способом в нем получают звуковое выражение «значение и отношение» («Bedeutung und Beziehung») ²³. При этом определяющим моментом является форма — понятие, для Шлейхера связанное исключительно с понятием слова, в звуковой материю которого с помощью формы достигается синтез значения и отношения (грамматической функции). От степени полноты этого синтеза зависит морфологический тип языка (как «организма»), подлежащего анализу с помощью метода, который должен быть столь же точным, как методы естественных наук.

Из естественных наук Шлейхер заимствовал термин «морфология» в значении — учение о формах, применив его специально при изучении типов структуры слова. Последующая судьба этого термина может служить одним из доказательств глубины влияния, оказанного Шлейхером на дальнейшее развитие лингвистической проблематики.

«Языковые организмы» (или, вернее — языковые структуры) образовались естественным путем, без вмешательства человеческой воли. Именно с этой точки зрения Шлейхер называет их «естественными организмами» («Naturorganismen») и считает возможным сопоставлять их с организмами, существующими в природе. Содержанием лингвистики (или «глоттики»), по мнению Шлейхера, должно быть изучение строения языков, выявление различных типов морфологической структуры, сопоставление этих типов в синхронном и историческом планах, изучение изменений, которым они подвергаются с течением времени.

Все, что касается употребления «языковых организмов» — для определенных целей и в определенных исторических ситуациях, Шлейхер выводил за пределы собственно лингвистики и относил к «филологии»,

²² «Die Darwinsche Theorie...», стр. 6. Приведенное высказывание несомненно должно содержать полемический подтекст.

²³ «Die deutsche Sprache», стр. 8.

которая получала таким образом очень широкую и неопределенную трактовку. Для Шлейхера это две различные дисциплины — историческая и естественнонаучная. «Наука, которая имеет язык своим ближайшим объектом, но рассматривает его, однако, преимущественно как средство проникновения в духовную сущность и в жизнь одного или многих племен, это — филология и она относится к истории. Ей противостоит лингвистика, которая имеет своим объектом язык как таковой и не имеет дела с исторической жизнью народов, говорящих на языках. Она образует часть естественной истории человека»²⁴.

Помимо филологии в традиционном понимании, связанном с изучением литературных памятников, «филология» в понимании Шлейхера должна включать вообще все, относящееся к функционированию языков в человеческом обществе — в конкретных исторических условиях и в конкретной исторической среде. Собственно говоря, перед нами своеобразно поставленный вопрос о «внутренней» и «внешней» лингвистике. При этом внутренняя лингвистика оказывается фактически ограниченной областями морфологии и фонетики, а внешняя лингвистика (или «филология»), наоборот, получает непомерно широкое и неясно очерченное содержание. Особую трудность при таком разделении составляет вопрос о том, куда отнести другие сферы языка, помимо морфологии и фонетики. В связи с этим Шлейхер оказался вынужденным допустить существование промежуточной области, где «происходит встреча филологии и лингвистики» — такое промежуточное место он отводит синтаксису, считая его, однако, «склоняющимся в сторону филологии»²⁵.

Если бы Шлейхер задумал поставить вопрос о функции языка как средства общения, то рассмотрение этого вопроса несомненно пошло бы в область «филологии». Однако Шлейхера эта проблема не занимала. Язык он определял только в его связи с мышлением, хотя специально в исследовании этого вопроса он также не углублялся, ограничиваясь довольно общими декларативными формулировками. Свое внимание он главным образом концентрировал на характере языковых форм (собственно на формальных характеристиках слова), иначе, говоря, — на проблеме морфологической типологии. Он полагал, что лингвистика «столь же предполагает требование универсальности, как и любая другая отрасль естественных наук»²⁶. Как в естественных науках важную роль играет систематизация изучаемых явлений, так и в языкознании определенное место в исследованиях должно занять распределение языков по классам, производимое на основании точных, научно обоснованных критериев.

Шлейхер установил два принципа лингвистической классификации — 1) типологический и 2) генеалогический. Он также разрабатывал соответствующие каждому из них специальные методы исследования.

Типологической классификации языков Шлейхер посвятил исследование о языковой морфологии (термин этот был тогда еще совершенно новым для языкознания и вызывал, прежде всего, естественнонаучные

²⁴ «Die Sprachen Europas...», стр. 1.

²⁵ «Сама область, где встречаются филология и лингвистика, может быть подразделена на две части, из которых одна больше принадлежит к первой, другая — более ко второй дисциплине. Учение о формах — это именно то в языке, что берет свое начало в естественной сущности человека и совершенно не подвластно влиянию человеческой воли; эта дисциплина полностью принадлежит лингвистике. Синтаксис, более зависимый от мышления и желания индивида, скорее склоняется на сторону филологии. К последней целиком относятся стиль, манера письма, зависящая от свободного волеизъявления отдельного человека» («Die Sprachen Europas...», стр. 3—4).

²⁶ Там же, стр. 4.

ассоциации)²⁷. Опираясь на предшествующие исследования В. Гумбольдта, Шлейхер продвинулся дальше в детальной разработке типов морфологических структур, установив ряд вариантов, составляющих шкалу переходов от одного основного типа к другому. Результатам исследования явилось построение оригинальной схемы, состоящей из ряда морфологических формул, обозначенных математически.

Сопоставление типов морфологического строения языков занимает большое место в общетеоретической концепции Шлейхера. В синхронном плане он сопоставляет эти типы в качестве элементов единой универсальной системы, в идеале заключающей в себе все языки мира. В диахронном плане он выстраивает их в исторический ряд и разрабатывает теорию стадийальных трансформаций морфологических типов, предполагая для них последовательность развития от низших форм к высшим. В этом ряду односложный тип (*einsylbige Sprachklasse*) оказывается начальной стадией развития; агглютинирующий (*agglutinierende Sprachklasse*) занимает среднюю ступень, а флективный тип выступает как высшая стадия, заключающая в себе в снятом виде элементы двух предшествующих стадий (*eine «gegliederte Einheit»* — «членимое единство»). В этой схеме совершенно отчетливо дает о себе знать абстрактный дух философии Гегеля, от которого Шлейхер в этой части своей концепции не мог освободиться никогда. Однако в детальных морфологических анализах он все же преодолевал схематизм гегелевской триады, описывая варианты структурных типов, отражающие реальное многообразие морфологического строения конкретных языков.

С проблемой соотношения типов морфологических структур Шлейхер связывал свое понимание историзма. Каждый из типов в идеале представлялся ему достигшим своей органической целостности в результате процесса становления. Наиболее долгим и сложным этот процесс должен был быть, как считал Шлейхер, для языков флективного типа, так как предполагалась последовательность развития от односложности, через агглютинацию, к флективности, олицетворявшей в представлении Шлейхера высшую ступень формальности. Но и в агглютинирующих структурах, широко представленных в языках мира, Шлейхер также обнаруживал значительную формальную сложность и разнообразие вариантов, особенно если учесть, что он относил к этому типу инкорпорацию (*einverleibende Sprachen*), выделявшуюся Гумбольдтом в качестве особого типа языковой структуры.

Реально засвидетельствованные в языках мира типы морфологических структур в целом представлялись Шлейхеру системой звеньев единого глоттогонического процесса, как бы застывших на достигнутых ими стадиях морфологической эволюции. Шлейхер, как и другие лингвисты XIX в., был поражен открывшейся картиной многообразия и сложности существующих в мире типов языкового строения, каждый из которых казался достигшим своей органической целостности и законченности в результате длительного развития. Как протекал процесс сложения морфологических структур и какими путями они эволюционировали от примитивных начатков до состояний значительной формальной сложности, — это реально существующая проблема, от решения которой позитивистически ориентированная лингвистика может уклониться, но отрицать значение которой невозможно.

Шлейхер, Курциус, ранее Бопп и Гумбольдт, со своей стороны также Гегель — все они признавали значение указанной проблемы и стреми-

²⁷ «Zur Morphologie der Sprachen», *Mémoires de l'Académie imp. des sciences de St. Pétersbourg*, VII-e série, I, 7, 1859.

лись решить вопросы языкового развития в универсально глоттогоническом плане. Так появилась хорошо известная и давно уже подвергнутая критике теория двух периодов языковой эволюции. С позиций этой теории становление языковых структур, достижение ими определенных уровней формальной законченности должно было совершаться в доисторический период, а историческое человечество получало их в пользование уже в готовом виде. Это положение особенно подчеркивалось Шлейхером: «Именно то обстоятельство, что мы уже на заре истории находим язык готовым, доказывает, что образование языка падает на период, предшествующий началу истории»²⁸.

Носящая явный отпечаток гегелевской схемы исторического процесса теория двух периодов в развитии всех языков — а) доисторического периода построения морфологической структуры, развития в собственном смысле слова и б) исторического периода, характеризующегося распадом, разложением ранее образовавшихся языковых структур, — представляет собой, бесспорно, самую слабую сторону лингвистической концепции Шлейхера. В особенности уязвим для критики тезис о том, что в исторические эпохи языковые структуры собственно уже не развиваются, но наоборот, деградируют, утрачивают свою унаследованную от доистории органическую стройность, формальную завершенность. Внешние аналогии с выветриванием пород и с процессами разложения природных организмов, продиктованные естественнонаучными увлечениями Шлейхера, еще сильнее подчеркивали наивность этой теории.

Выдвигавшееся критикой (младограмматики, Бодуэн де Куртене) положение о том, что языковые процессы как в историческое время, так и в доистории, в принципе должны были быть одни и те же, казалось, должно было снять проблему, которая занимала очень большое место в концепциях ранних компаративистов. Однако проблема процессов образования сложных морфологических структур, которыми обладают многие языки мира на заре своего появления в истории, все же остается. Об этом свидетельствует, в частности, интерес современной компаративистики к глоттогоническим вопросам, от разработки которых в принципе отказались в свое время младограмматики.

Следует заметить, что шлейхеровское учение о развитии морфологических структур, хотя и отвергнутое в одной своей части (теория двух периодов), в целом оказало глубокое влияние на языкознание вообще и на индоевропейское сравнительное языкознание в особенности. Сравнительная грамматика индоевропейских языков унаследовала от ранних компаративистов, в частности от Шлейхера, глоттогоническую ретроспективу, и даже младограмматик К. Бругман пытался ставить вопрос о пережитках «корневого» (*Wurzelperiode*), т. е. дофлективного, периода в общеиндоевропейском языке (*indogermanische Grundsprache*)²⁹. В индоевропейском сравнительном языкознании XX в. (исследования А. Мейе, Г. Хирта, Э. Бенвениста, Е. Куриловича) вопросам реконструкции ранних периодов развития индоевропейского праязыка уделяется большое внимание.

В работах Шлейхера те факты позднейшей истории индоевропейских языков, которые он с общих позиций своей теории двух периодов пытался определять как проявления распада формы (*des Verfalls der Form*), в действительности свидетельствовали о становлении элементов нового типа морфологической структуры, который сам он описывал и характеризовал как аналитический (в отличие от древнего синтетизма)³⁰.

²⁸ «Die Sprachen Europas...», стр. 12.

²⁹ См.: К. B r u g m a n n, В. D e l b r ü c k, *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, I, 1, Strassburg, 1897, стр. 32—33.

³⁰ См.: «Die deutsche Sprache», стр. 69.

Отмечал он и новообразования флективных форм, отказываясь, однако, признавать их полноценными проявлениями «истинной формальности» языка, которая, согласно общей теории, присуща только древней флексии. В целом, его наблюдения над явлениями, исторически возникшими в фонетике и морфологии отдельных индоевропейских языков, объективно давали картину развития, противореча тем самым исходному тезису о прекращении развития в исторические периоды.

Итак, обращение к морфологической теории Шлейхера с точки зрения проблем современного языкознания дает возможность понять оригинальность и глубину его исследований, его роль в разработке вопросов исторической типологии языковых структур.

Не меньшее значение имела другая линия лингвистической работы Шлейхера — историко-генетическая. Разработка и обоснование сравнительно-исторического метода, обеспечившие блестящие успехи исторического языкознания в XIX в., неразрывно связаны с именем Шлейхера. Теория образования групп родственных языков путем разделения первоначальных единств, наглядно отображенная при помощи внешней аналогии с родословным деревом, в трудах самого Шлейхера была дополнена теорией географического варьирования языков, а также положением о значении пограничных языковых контактов. В истории языкознания этот факт до сих пор оставался без внимания. Между тем, для характеристики широты и многосторонности лингвистической концепции Шлейхера несомненно представляют интерес его совершенно определенные высказывания по указанным проблемам.

Так, например, касаясь вопроса о языковых контактах, он писал: «Возможность иноязычных влияний не ограничивается только областью лексики. В особенности там, где внутри соприкасающихся языковых сфер звуковые законы имеют решающее влияние, нельзя не заметить, что соседствующие языки, даже если они принадлежат к очень различным лингвистическим кругам (*den verschiedenen sprachlichen Kreisen*), часто обнаруживают неожиданное сходство. Например, санскрит имеет общий с совершенно отличными от него туземными языками Декхана своеобразный класс звуков, обозначаемый как церебральные; китайский язык Пекина обнаруживает соответствие в произношении с маньчжурским (*Endlicher, Chin. Gramm., p. 107*), осетинский (иранский индогерманский язык), а также татарские [т. е. тюркские. — А. Д.] языки на Кавказе обладают общей с собственно кавказскими языками своеобразной звуковой системой грузинского типа; латышский язык, соседствующий со славянским, имеет почти славянскую звуковую систему; сменяющиеся анлауты в древневерхненемецком языке текстов Ноткера были сходны с соответствовавшим явлением в соседнем кельтском языке (*Grimm, Gesch. der deutschen Sprache I, p. 364f.*); южнославянский во многом обнаруживает соответствия с соседними романскими языками, в то время как дакороманский (валашский) язык, наряду со славянским алфавитом, обладает и многими славянскими звуковыми особенностями и т. д.»³¹

Проблему географического варьирования Шлейхер ставил в очень широком историческом и всемирно-географическом плане, отмечая лингвистическую непрерывность соотношения фонетических и морфологических признаков, характерных для неродственных языковых групп,

³¹ «Die Sprachen Europas...», стр. 27. В данном случае важны не сами по себе факты, приведенные Шлейхером на основании доступных ему в то время (первая половина XIX в.) лингвистических материалов и отражающих соответствующий уровень разработки конкретных дисциплин. Важна общая точка зрения Шлейхера по вопросу о возможностях и характере действия языковых контактов.

расположенных на смежных территориях, постепенность переходов между ними. Он писал: «Распределение языков на земле первоначально должно было обнаруживать строгую закономерность: соседние языки должны были быть между собой более сходны, чем языки людей, живших в различных частях света. От принятой точки отсчета, в зависимости от степени удаления от нее, языки должны были группироваться по степени нарастающего отклонения от языка исходного пункта, так как по мере пространственного отдаления увеличиваются различия климата и условий жизни. От некогда существовавшей принудительной закономерности распределения языков и сейчас еще можно обнаружить некоторые следы. Так, например, американские языки, а также языки южных архипелагов обнаруживают, при всем их различии, несомненную общность типа. Даже на азиатско-европейском материке, где языковые отношения, благодаря историческим событиям, подверглись сильным изменениям, нельзя не признать наличия групп сходных языков. Индогерманская, финская, тюрко-татарская [тюркская. — А. Д.], монгольская, маньчжурская, также декханская (тамильская) — все они в общем обнаруживают суффиксальное строение, т. е. все словообразующие элементы, все выражения отношений (*Beziehungsausdrücke*) присоединяются к конечному звуку (*Auslaut*) корня, но не попадают ни в положение перед корнем, ни внутрь его (исключения, например, аугмент индогерманского глагола, являются лишь кажущимися...)»³².

Возникновение такого рода лингвистической непрерывности Шлейхер относил к очень отдаленным эпохам: «Эти бросающиеся в глаза соответствия в строении географически соседящих языковых семей мы считаем сохранившимися от времен ранней и самой ранней языковой жизни. Очаги возникновения языков со сходным типом строения, вероятно, должны были находиться неподалеку друг от друга»³³.

Итак, можно считать, что Шлейхер был одним из первых лингвистов, выдвинувших идею языкового союза. Можно также предполагать, что его мысли о географическом варьировании языков оказали влияние на развитие аналогичных концепций у И. Шмидта и Г. Шухардта³⁴.

Непредвзятое изучение теоретических взглядов Шлейхера и мате-

³² «Die Darwinsche Theorie...», стр. 24—25.

³³ Там же, стр. 26.

³⁴ В этой связи представляет интерес воспоминание Г. Шухардта, впервые опубликованное в 1925 г. (в статье «Der Individualismus in der Sprachforschung» (*Sitzungsberichte d. Wien. Akademie*, 202/4): «Недавно я услышал предположение, что общим источником моей „теории географического варьирования“, как и „теории волн“ Шмидта, являются, по-видимому, лекции нашего общего учителя А. Шлейхера. Правда, и я, и Шмидт были в один и тот же день зачислены в Боэнский университет (3 мая 1861 г.) и прослушали там по три семестра, но мы не были, однако, знакомы друг с другом; затем Шмидт перешел в Йенский университет. Таким образом, предположение, что А. Шлейхер, горячий поборник теории родословного древа, мог заронить в наши головы семена раскола, к тому же в разные, отделенные промежутком в несколько лет периоды времени, маловероятно. И все же я припоминаю одно обстоятельство, которое может быть истолковано в указанном выше смысле.

Шлейхер любил совершать вместе со своими слушателями назидательные походы в „лавные деревни“ (*Bierdörfer*). Однажды сидели мы — нас было немного — за столом вместе с Шлейхером, и он изложил нам, отвечая на наши вопросы, свои взгляды на постепенное варьирование языков по всему земному шару, причем упомянул, между прочим, и о географии растений. Этот вопрос глубоко захватил меня; об этом свидетельствует то, что я сохранил отчетливое воспоминание обо всем окружающем, хотя мои представления об остальном, происшедшем в этот день, очень нечетки. Я никогда прежде не связывал свои высказывания по этому вопросу с беседой в кабачке. Теория географического варьирования носилась, как говорят, в самом воздухе» (Г. Шухардт, *Избранные статьи по языкознанию*, М., 1950, стр. 272—273). Странно, что Шухардту остались неизвестными печатные высказывания Шлейхера по столь важному вопросу.

риалов его биографии проливает новый свет на личность выдающегося ученого. Новый образ Шлейхера существенно отличается от того, каким он обычно представлялся в очерках по истории лингвистических учений.

Несколько слов о его биографии, которая примечательна сама по себе. Уроженец Тюрингии, сын врача в маленьком городке, Шлейхер уже в юности резко отвернулся от теологии, которую он сперва изучал. Всю свою жизнь он был убежденным атеистом.

Его политические убеждения складывались в период революционных событий 1848 г. В это время он был корреспондентом либеральной газеты в Рейнской области. О его журналистской деятельности не известно почти ничего, кроме того, что в 1848 г. он много ездил по Европе и оказался также в революционном Париже. Известно, что в дальнейшем его десятилетнее пребывание в Праге в качестве профессора было омрачено полицейскими преследованиями — результат политической активности Шлейхера в 1848—1849 гг. Реакционный режим Австрийской империи был ненавистен Шлейхеру всю его жизнь.

Последние годы жизни он провел в Йене, целиком отдав себя науке. Предсмертные слова его были: «Всю мою жизнь я стремился к ясности, и все должно стать много, много лучше»³⁵. Эти слова могут быть поставлены эпиграфом ко всей его деятельности. Шлейхер сознательно стремился создать последовательно материалистическую теорию языка. По своим научным и политическим воззрениям он был готов к усвоению наиболее прогрессивных идей времени.

---

³⁵ S. L e f m a n n, August Schleicher, Leipzig, 1870, стр. 89.